

Максуд Ибрагимбеков

Последняя ночь детства

Кладбище раскинулось на очень неудобном месте — у самой дороги, которая ведет из селения к дачам. И если тебя послали купить хлеб, а хлебная лавка в Пиршагах только одна, и находится она в селении, то идти придется обязательно мимо кладбища. Ну а это не очень приятно, особенно если тебя посылают за хлебом два раза в день — утром и вечером, когда из пекарни привозят свежий хлеб.

Днем на кладбище не очень страшно. Кладбище как кладбище, ничего особенного. Могилы, а между ними густая трава. Я на побережье нигде больше такой травы не видел, только и есть, что на этом кладбище. А еще на кладбище построен из коричневого камня склеп. Видно, его построили очень давно, потому что склеп порос мхом, как будто местами стены его покрасили зеленой краской.

Если заглянуть в этот склеп, то сперва ничего не увидишь, а потом, когда глаза привыкнут к темноте, можно увидеть человеческий скелет. Лежит на спине и улыбается. Очень веселый скелет. Прямо жуть берет. Ну, это все, конечно, днем — я еще не встречал человека, который стал бы заглядывать в могильные склепы по ночам...

Ночью мимо этого кладбища вообще никто не ходит, люди обходят его по ночам дальней дорогой. Мельник Садых говорит, что его на это кладбище силой не затащишь. Он рассказывает, что в те ночи, когда на инжирное дерево перед нашим домом прилетает сова и начинает стонать, тот скелет выбирается из своего склепа, бродит по кладбищу и ищет, с кем бы побеседовать. А сова эта, между прочим, прилетает каждую ночь... Если кто-нибудь повстречается с этим скелетом, то тут же умирает от разрыва сердца. Только один человек не умер, это сумасшедший Таир. Он встретился как-то ночью на кладбище со скелетом. Тогда Таир был нормальным человеком и даже вот-вот должен был жениться, но так испугался скелета, что моментально сошел с ума. Теперь этот Таир ходит по дачам весь обросший и нечесаный, что-то бормочет под нос и ни на кого не смотрит. У Таира есть дом, он живет там один, но дома его никогда почти не бывает — все где-то бродит. И еще говорят, что его родная сестра — знаменитая певица, но, по-моему, это враки — я видел как-то эту певицу, на Таира она совсем не похожа. Красивая очень! Я помню, когда на концерте в филармонии объявили, что она будет петь, и она вышла на сцену, люди в зале как будто с ума сошли — так стали хлопать. До нее выступало пять артистов, но в зале все сидели и разговаривали, как будто эти артисты не для них стараются... Нет, не может быть, что она сестра Таира.

Вот мы сейчас идем из хлебной лавки мимо кладбища, уже темнеет. И Тимка ускорил шаги — он очень не любит это место. Он мне признался однажды, что, когда он идет мимо кладбища, ему кажется, что кто-то дышит ему в затылок и старается заглянуть в лицо из-за спины. А вообще он храбрый, Тимка, но скелета этого боится.

Когда мы пришли домой, бабушка сказала нам, что нас — меня с Тимкой — пригласили в гости к соседям. У кого-то там из детей сегодня день рождения. Ну, мы пошли, конечно, не сидеть же вечером дома. Бабушка все говорила нам вслед, что очень нехорошо, что мы

идем без подарка, хотя и прекрасно знала, что вечером в Пиршагах ничего, кроме козьего молока или арбуза, не купишь.

У наших соседей дача больше, чем наша. Они накрыли стол под огромным деревом перед домом. Собрались дети и взрослые со всех соседних дач. Хозяйка дачи подошла к нам и спросила, когда приедут наши родители и почему не пришла наша бабушка. Бабушка-то, собственно говоря, только моя, но все уже в Пиршагах привыкли, что это и Тимкина бабушка, потому что он все время пропадает у нас. Потом все сели за стол и начали говорить тосты. А один из гостей встал и говорит, что желает он детям хозяев дачи, чтобы они стали похожими на своих родителей, когда вырастут. Никак не пойму, чего в этом хорошего, если этот именинник вырастет и станет похожим на своего отца. Отец у него маленького роста и весь какой-то рыжий. Я бы уж, если стал говорить тост, пожелал бы, чтобы этот мальчик не был похож на своих родителей, но мне никто не предлагал говорить тост. И вообще все дети в тот вечер пили виноградный сок.

Потом прямо перед домом разожгли огромный костер, и сразу стало очень уютно. Дети по очереди выходили на площадку перед костром и читали стихи, а все делали вид, что им это очень приятно и интересно. Когда все дети кончили читать, взрослые вспомнили и обо мне с Тимкой. Прямо насильно вывели меня на эту площадку. Тогда я взял и прочитал им стихи. Даже это не стихи, а слова из песенки «Тарантелла». У нас дома пластинка была такая.

Что ты смотришь так сурово,

Босоногий капуцин?..

Человеку знать не надо,

Что такое человек.

Все смеялись, и тут я увидел ее, сестру Таира. Она смеялась громче всех. Я ее сразу узнал, ведь я ее видел на концерте. Она подошла ко мне, взяла за руку и предложила всем детям спеть что-нибудь вместе. Ой, как хорошо она пела! Не громко, как со сцены, а вполголоса, но все равно было очень хорошо, и мы все ей подпевали. А Тимка смотрел на нее удивленно, и только он один не пел.

Всегда я просыпаюсь первым, но этим утром меня разбудил Тимка. Мы умылись у колодца и пошли собирать на завтрак виноград. Кусты были мокрые и холодные от росы, даже песок был влажный. Потом взяли удочки и пошли на море. На берег мы всегда с Тимкой приходим раньше всех — дачники просыпаются позже, ну, а на пляж они приходят совсем к вечеру, когда солнце согреет воду. А сегодня кто-то пришел к морю раньше нас. Я издали догадался, что это она. Не знаю почему, но догадался. Сердце даже екнуло. Когда мы подошли, она помахала нам рукой.

Какая она красивая, эта сестра Таира! Я раньше таких видел только в кино. Никогда бы не поверил, что на самом деле бывают такие красивые. На голове у нее был повязан платок. Не платок, а прямо географическая карта: все океаны, моря, материки и все страны, каждая в отдельности. Это сейчас таких платков появилось много, а тогда ни у кого, кроме нее, такого платка не было. Может, и было, но я ни на ком больше не видел.

Мы с Тимкой по утрам никогда не купались, только рыбу ловили, а в это утро мы втроем плескались в море, пока не околели и кожа не пошла пупырышками. Потом ловили рыбу, когда обогрелись. И сестра Таира нам показала, как можно ловить на морских блох, а раньше мы удили только на червей и мух.

С этого дня на море мы ходили по утрам втроем, и не только на море — целый день мы бывали вместе. Она нам сказала, что приехала на дачу в отпуск, и еще для того, чтобы увезти с собою Таира, но, кажется, из этого ничего не получится. Один раз она увезла его в город, а он сбежал в Пиршаги. Он в Пиршагах редко бывает дома, а где он ночует, ни один человек в Пиршагах не знает, и мы тоже.

Она купила ему все новое. И мы все втроем повели Таира к парикмахеру. И когда тот его постриг и побрил, все увидели, что Таир совсем не страшный и даже чем-то похож на свою красавицу сестру. Кожа на лице у Таира оказалась тонкая и загорелая, а его глаза, карие, как у сестры, — такие грустные, что прямо сил нет в них смотреть.

Соседи сказали ей, что зря она потратила деньги: все равно Таир истреплет обновку за несколько дней. Так оно и получилось, но она только махнула рукой.

Эти соседи и бабушка без конца говорили о ней. Они вздыхали и говорили, что счастье не в красоте, вот она какая красивая и славная, а судьбу свою устроить не может. Бабушка, так та прямо спросила однажды, почему она не выходит замуж, а она ей только засмеялась в ответ.

Мы очень привыкли к ней, и ей, по-моему, было приятно с нами. По крайней мере, никуда она без нас не ходила. А когда бабушка посылала нас в селение за хлебом, сестра Таира непременно шла с нами. Когда она что-нибудь говорила, Тимка прямо рот раскрывал, до того ему все это было интересно...

В этот день мы, как водится, пошли за хлебом, а на обратном пути встретили этого типа. Автобус из города остановился только что на главной площади перед хлебной лавкой. Он, видно, приехал этим автобусом, а может быть, еще раньше — по воскресеньям в Пиршаги прибывает несколько автобусов. Он, этот тип, как увидел нас, сразу бросился навстречу.

А она ни капельки не удивилась, только сказала:

— Ты зачем приехал?.. — А потом нам совершенно другим тоном: — Дети, вы идите, я вас сейчас догоню.

Мы пошли вперед, а они за нами, по дороге. Тимке этот тип, кажется, очень не понравился. Я-то ведь Тимку хорошо знаю. Он даже побледнел и беспрерывно оглядывался. А они сзади о чем-то говорили не очень громко. А потом этот тип как закричит:

— Ну что мне теперь, повеситься, что ли?! Любой бы на моем месте так поступил!

Тут мы стали прислушиваться, а она ему говорит спокойно так:

— Любой трус так поступил бы на твоём месте, любой трус и ничтожество!.. Понял? Видеть теперь тебя не могу!

А потом она нас догнала и, когда мы были уже у кладбища, сказала:

— Давайте посидим немного в тени, устала что-то.

Мы сели на траву, и она нам сказала, что последний раз была на пиршагинском кладбище лет десять назад, когда ей было столько лет, сколько нам сейчас. Про типа она ни слова не сказала. А Тимка сидел бледный и молчал. Ему всегда на кладбище не по себе, даже днем.

Утром этот тип приплелся на пляж. Сперва ходил вокруг, потом подошел. Они опять о чем-то говорили. Он попробовал взять ее за руку, а она сразу же отодвинулась.

Потом этот тип говорит Тимке:

— Мальчик, вот тебе деньги, купи мне, пожалуйста, сигареты.

— Идите сами и купите!

Это так ему Тимка ответил. Я в первый раз слышал, чтобы Тимка так со взрослыми разговаривал. Этот тип ничего не сказал, вид у него был довольно-таки жалкий, а она на Тимку как-то странно посмотрела. Потом тип уехал, а мы пошли купаться, но она в этот день была задумчива и молчала.

Незаметно в тот месяц летело время. И наконец наступил тот вечер.

Мы сидели перед ее домом. Одноэтажный дом с верандой. И никого, кроме нас троих, не было. Таир, как только наступили сумерки, куда-то исчез. Мы сидели молча, а она тихо напевала свою любимую песню. Это был наш последний вечер. Утром она уезжала из Пиршагов. Кончился ее отпуск, а нам до занятий в школе оставался еще целый август. Как мы будем без нее целый месяц, я уже не представлял. Кажется, и Тимка тоже — он сидел и молчал. Впрочем, за последнее время он, как узнал, что она должна уехать, все время молчит. И бабушка говорит, что Тимка похудел, наверное, его сглазили...

Как сегодня помню тот вечер. Душный такой вечер, июльский. Очень приятно пахло цветами того дерева с серебристыми листьями — никак не могу запомнить, как оно называется. Звезд не было видно, и луны тоже. Она перестала напевать. И теперь мы все трое молчали. Потом прилетела эта проклятая сова, уселась на дерево — ни дерева не видно в темноте, ни совы — и начала противно стонать. Пришел мельник Садых и сказал, что не к добру кричит эта сова каждую ночь, а он, Садых, никак не соберется прикончить ее из двустволки. И начал рассказывать страшные истории про сову и скелет. Но никто его в этот вечер не слушал.

Потом она пошла в комнату собирать вещи. Автобус ходил в город в половине шестого утра. Она быстро уложила все вещи — их у нее немного было — и вдруг сказала, что куда-то подевала свой платок, тот самый, географический. Мы все стали вспоминать, где она могла его оставить, и решили, что она его оставила на кладбище днем, когда мы возвращались из селения... Она сказала, что утром зайдет перед отходом автобуса на кладбище и найдет его. Потом Садых спросил, не нужно ли ей утром помочь отнести в селение вещи. Она вышла на порог ответить ему и вдруг спросила, где Тимка. Тимка и вправду куда-то исчез. Только что был здесь, а теперь его нет.

Она сказала, что, наверное, Тимка пошел на кладбище за ее платком. Я тоже так подумал, хоть и знал о том, что Тимка боится даже проходить ночью мимо кладбища. Но все-таки я тоже подумал, что Тимка пошел на кладбище. До сих пор непонятно мне, почему я так

подумал. Мельник Садых засмеялся и сказал, что он не знает в Пиршагах ни одного мужчину, который мог бы пойти на это кладбище ночью. Даже начальник милиции не пойдет ночью на кладбище. А уж про Тимку, про этого ребенка, и говорить нечего.

Она ему не ответила и пошла по дороге к кладбищу, а мы с Садыхом за нею. Садых шел и ворчал, что все это ни к чему, а если даже Тимка сдуру и пошел на кладбище, то уже все равно умер от разрыва сердца. Я видел, что Садых ужасно боится.

Она сперва шла шагом, а потом побежала. Мы за несколько минут добежали до кладбища.

Вышла луна. И теперь чинары у входа и надгробие отбрасывали на белый песок черные тени. Тихо. Только сверчки звенели и песок скрипел под ногами...

Мы зашли за ограду, прошли несколько шагов и вдруг у склепа увидели Тимку, и не одного — перед ним стояла какая-то высокая тень. Это нам тогда показалось, что это тень.

Тимка о чем-то спокойно разговаривал. И вот тут-то раздался страшный крик — это закричал Садых и бросился стремглав за кладбищенскую ограду.

Мы подбежали к Тимке и видим, что он разговаривает с Таиром. Оказывается, Тимка пришел на кладбище, нашел платок и уже собрался уйти, как его кто-то окликнул. Тимка обернулся и увидел, что со склепа спускается худая длинная тень... Это, конечно, был не скелет, а Таир, который каждую ночь приходил ночевать на кладбище. Вот где он, оказывается, пропадал по ночам...

Тимка подошел к нам и отдал ей платок. Наверное, это при свете луны он казался таким бледным. Она взяла платок и ничего не сказала.

Как всегда, домой мы шли втроем, а сзади топал Таир и что-то лопотал непонятное... Куда так быстро исчез Садых, мы так и не узнали.

Мы подошли к ее дому и стали прощаться.

Она положила руки Тимке на плечи и поцеловала — сперва его, а потом меня.

— Вы будете хорошими, смелыми людьми! — сказала она нам.

Но я чувствовал тогда, что она говорит это Тимке, одному Тимке.

Мы ушли...

Ночью я проснулся оттого, что услышал, как плачет Тимка. Я никогда раньше не слышал, чтобы он плакал. Даже когда в прошлом году его укусила змея и нога его опухла и стала толстой, как бревно, даже тогда он не плакал... Утром она уехала. А Садых говорил всем в Пиршагах, что он в жизни не встречал такого смелого человека, как Тимка.

1967